

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

АРОМАТ ЗЕМЛЯНИКИ

*Светлые рассказы
и дагные зарисовки*

уютный
разговор

**Гульнара Рахманова
Лера Переславцева
Александр Паулан
Катя Киселева
Алёна Огнева
Валентин Большаков**

**Аромат земляники. Светлые
рассказы и дачные зарисовки.
Современная проза
Серия «Уютный разговор»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324611

*С. Паулан. В. Большаков. К. Киселева. А. Огнева. Л. Переславцева. Г.
Рахманова. Аромат земляники. Светлые рассказы и дачные зарисовки:*

ООО Издательство АСТ»; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-174999-6

Аннотация

В книге собраны трогательные рассказы, наполненные летним солнцем и ностальгией. Воспоминания о каникулах, проведенных на юге, романтика первой любви, атмосфера музыкального

фестиваля и поздние сеансы в автокинотеатре... Одинаково дорогие сердцу улицы старой Москвы и деревенская баня по субботам... Дружба, ставшая целой вселенной. Обо всем этом вы прочитаете в сборнике.

Эта книга пронизана июньской надеждой и вкусом земляничного варенья, теплом южных закатов и вечерних прогулок. Пусть рассказы подарят настроение беззаботного лета и напомнят о таких особых моментах, которые навсегда остаются в памяти.

Содержание

Рисунок лет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аромат земляники. Светлые рассказы и дачные зарисовки (Сборник)

© Паулан С., Большаков В., Киселева К., Огнева А., Переславцева Л., Рахманова Г., текст

© Тельнова О., фотографии

© ООО Издательство АСТ», оформление

* * *

Рисунок лет

*Мне жаль, но не до слез.
Хотя у меня лицо и мокрое,
но это от реки.*

Б. Вахтин «Портрет незнакомца. Сочинения»

Автор рассказа Алёна Огнева

* * *

Все слилось и льется июльским дождем по той Покровке, которая была до того, как там положили плитку. До того, как продали бабушкин дом. До того, как.

Прикрываю глаза, несколько минут слоняюсь по комнате, где из мебели только огромная кровать, деревянный круглый стол, два стула, на полу – овальное зеркало, на высоком потолке – громоздкая люстра, напротив окна – белое кресло, у стены – шоколадного цвета комод, на комодe – ваза с цветами. Мизерные, кое-где нераспустившиеся бутоны. Единственные розы, которые я любила по-настоящему, розы из цветочного на Солянке. Тут и там – чашки с недопитым кофе.

Комната большая и светлая. Паркет теплый от летнего солнца. Теплый и местами скользкий – вышарканный временем. На Покровском гремит трамвай.

Деревня, в которой я проводила круглые лета с рождения и лет до шестнадцати, тоже называлась Покровка. Не помню, чтобы я обратила внимание на это совпадение сразу, как только здесь случайно поселилась.

Хороша случайность.

Помню разговор с бабушкой спустя сколько-то лет. Она уже болела. Я долго стояла в арке «Чайной высоты» – там

было нешумно и можно было поболтать спокойно. «Бабуль, представляешь: ты в Покровке, и я сейчас иду по Покровке, вспоминаю тебя, вот звоню». Почему-то мне кажется, это был наш последний разговор.

Я иду через комнату, иду по длинному коридору, мимо ванной, в ней приоткрыто окно, я люблю его. На кухне – любимая кошка, как всегда делает вид, что меня нет. Ставлю чайник, насыпаю в чашку кофе, заливаю кипятком, снова возвращаюсь в постель. Смотрю в окно, убегаю взглядом до потолка: не достать – высокий.

* * *

Кроме того, что дед мой был знатным любителем не просто выпить, а уйти в самый настоящий деревенский запой – бессмысленный и беспощадный, он был рыбаком и пасечником.

Дед-рыбак казался мне божеством, могущим управляться с метрами заиленных сетей. Великаном, который спускался за ними в самую глубину деревенского пруда прямо в одежде и длинных резиновых сапогах. Или вовсе входил в пруд босым, но все равно в одежде, что каждый раз приводило меня в восторг. Потому что раздетым в воду всякий может, а в одежде – только такие, как дед.

Дед погружался в воду всегда аккуратно, но так уверенно и стремительно, что казалось, будто она перед ним расступается и даже собственноручно преподносит сети с рыбой на своих мокрых ладонях. В такие минуты я зажмуривала глаза – вроде как из чувства уважения к происходящему, чтоб не увидеть лишнего, а когда открывала, дед уже по пояс, а потом по грудь стоял посреди самого глубокого, по моим меркам, места, которое только и существовало.

Дед шарил под водой руками, обнаруживал что-то определенно ценное – что у меня аж дергалось и пульсировало в горле – и начинал тянуть. И вытягивал и бросал на берег то ил, то мусор, то диковинные растения. И как он отличал одно от другого, как расправлялся со скользкими рыбами –

блестящими большими и малыми, – спутанными сетями, набившейся в них травой, я так никогда и не разгадала. Знала только – деду подвластно всё.

С дедом-рыбаком я почти не дышала. И хоть сердилась на деда страшно из детской солидарности с бабушкой, что пьёт беспробудно, обо всем забывала, замечая его хитрый прищур. С таким он всегда собирался на пруд.

Ставить сети дед уходил внезапно, прямо в разгар каких-нибудь важных домашних дел (бабушка, конечно, всегда ворчала), а потом также неожиданно приносил оттуда ведро рыбы. Щук и гольянов мелких к яичнице с луком и помидорами, карасей разнокалиберных. Сколько мы с братьями этой рыбы перечистили – страшно подумать. Сотни рыб. Для жарки в муке до золотистой корочки, когда хвост становится хрустящим-хрустящим; на уху; на тушеных карасей в сметане; на пироги.

И только если крупно повезет, можно было очутиться с дедом на пруду, пока он ставит или вытаскивает сети или корчажки. Только по большому-большому везению. Если водный Дух или рыбий Бог – даже не знаю кто – позволит, тогда всё само будто случится, и дед позовет с собой на ближний пруд. О дальнем, Рундином, даже и не мечтали.

В детстве мне рассказывали, что в местном пруду утонул как-то летом приезжий агроном из города. Водолазов вызывали на поиски – те не нашли утопленника, а дед мой нашел.

А однажды, после крепкого дебоша, свидетелем которого

стала отчасти и я, дед шел по деревне мимо своего же дома и стал махать, увидев меня в открытой калитке:

– Алёнка, идем со мной на Рундин пруд сети проверять?

И я тогда долго смотрела на деда, и мне хотелось отвернуться от него и хлопнуть калиткой, и хотелось кинуться деду на шею, чтобы обнять.

Но кидаться, чтобы обнимать, у нас принято не было, поэтому я просто пошла рядом.

* * *

С дедом-пасечником мы все встречались чаще, чем с рыбаком, – почти каждый день. Дед-пасечник появлялся легко и вдруг – из кухни, сенцев, из бани, из-за стола, а не из далекого туманного ниоткуда, как дед-рыбак.

Выйдет дед на веранду, выбегаешь следом за ним – а там уже дед-пасечник матерится себе под нос, ищет среди домашней утвари нож для распечатки сот из рамок – кто трогал?!

Высокий, сильный, голубоглазый; с грубой кожей на ладонях и пальцах, чернотой под ногтями. Забронзовевший на солнце за свою деревенскую жизнь так, что ни летом, ни весной, ни осенью та бронза с него не сходит.

В отличие от деда-рыбака, который, когда появлялся, тянул за собой, как сеть, всю свою иную рыбацкую стихию, дед-пасечник был понятней и ближе.

Дед-пасечник давно уже здесь обжился и обустроился среди деревенского быта. И все его исключительно за своего, в общем, и принимали. А он тем временем разговаривал с пчелами – сразу со всем роем или с каждой пчелой в отдельности. Особенно важными считались переговоры с маткой.

Она у них командир – учил нас с братом дед-пасечник.

От нее все зависит. Решит – и полетит весь рой в лес, а нет – останутся.

Дед-пасечник всегда знал точный момент: вдруг вставал из-за стола посреди завтрака, надевал на лицо защитную сетку – всю в дырах, подхватывал дымарь и отправлялся туда, где раскинулись его угодья посреди бабушкиного огорода, прямо под окнами дома.

Дед-пасечник зачем-то брал пчел в руки, то одну, то другую – так нежно и бережно, что иногда я к ним ревновала, – аккуратно зажимал между подушечками большого и указательного, по-хозяйски рассматривал и что-то без конца бормотал. То ли сам себе, то ли пчеле. И светило солнце, и свет в этот день был тягучим, прозрачным с янтарным оттенком, точно мед. По крайней мере, именно таким всё виделось из окна бабушкиного дома или из приоткрытой калитки во дворе, откуда я высовывалась, когда осмеливалась выбежать вслед за дедом, но боялась подойти к ульям с пчелами близко.

Это уже потом, спустя время, предполагалось, что внуки деда-пасечника в свои восемь-девять лет обязаны знать о пчелах всё. Знать, любить и почитать их больше самих себя. И мы знали, любили и почитали. По указке деда ответственно усаживались сразу после второго завтрака в деревенский полдень в доме недалеко от окна и следили, чтобы пчелы не вздумали собраться и улететь. До поры за этим можно было просто наблюдать из окна боковым зрением, но, заметив суету над ульями, надо было быстро срываться из прохладной избы в раскаленный от полуденного солнца огород, где с утра уже были приготовлены ведра с водой и вениками.

Мы окунали веники в воду и брызгали прямо на темное облако пчелиного роя, чтобы уgomонились, собрались в маленькую черную тучку и приземлились где-нибудь недалеко от бабушкиного огорода – хорошо, если на черемуховый ствол в палисаднике под окнами дома. И если получалось

укротить жужжащий в воздухе шар, то покатывались потом с братом на пару от нервного смеха – с головы до ног мокрые, перепуганные. И до вечера потом никуда не бежали, следили до возвращения деда с полей за притихшей кучкой пчел на заборе или рядом, на поленнице, – чтобы заново куда не собрались. А как замечали вдалеке деда, бежали к нему наперегонки – каждый первым торопился рассказать, что он о его пчелах позаботился и теперь тоже немного настоящий пасечник.

Бежишь к деду, а он тебе навстречу медленно движется: «Упустили поди?!» – и дальше: «пик-пик-пик». И потом сразу же, подобрев: «Ну, ла-а-адно, ла-адно, сейчас посмотрим».

Почти Дед Мороз, только сухой и солнечный, пропахший всем сразу – мазутом, березовыми вениками, цветами, мёдом, рыбой и землей – чем-то сладким и дымным.

* * *

Может, мы живем в воспоминании о самом себе и из него создаем свое настоящее. Может, мы создаем свое настоящее из нежности к тем временам, которые были похожи сперва на талое мороженое, свежий мед, лесную землянику, блестящих рыб, а потом на густое красное, почти что черное. Такое вино специально для нас по пятницам оставлял в своем подвальчике на углу Чистопрудного хозяин маленького ма-

газина, милейший грузин. (Разбирали быстро.) Ужасно, что я не помню его имени. Лицо помню, а имени – нет.

Помню, он был сердечник, и, если с утра после пробежки я спускалась в его мизерную продуктовую лавку (через дорогу напротив нынешней «Азбуки вкуса») за зеленью и хлебом к завтраку, а вместо него за прилавком стоял кто-то другой, я очень боялась услышать плохие новости.

Я слышала их сильно позже, когда уже уехала с Покровки на Сухаревскую. Встретила однажды на Чистых прудах его жену – коренную москвичку, всегда серьезную, но теплую блондинку по имени, конечно, Наталья. На вопрос, как муж, она отвела глаза к воде.

* * *

По субботам в деревне сильно топили баню. Ее топили и в другие дни, но суббота посвящалась бане до основания. Суббота была банной по самой своей сути. Готовились к бане уже с утра. Приносили воду, дрова, обдирали с поленьев бересту, топили печку, подкладывали дрова, снимали с веревок веники, запаривали их в кипятке, снова подкладывали дрова, приносили еще воды, готовили ужин и обязательно спрашивали: «В баню сегодня пойдешь?»

Баню важно было вписать в деревенский распорядок. Сама жизнь в этот день поворачивалась так, чтобы подстроиться под баню. А баня уверенно стояла ровно посередине жиз-

ни, в центре мироздания. И весь ход вещей в этот день зависел от того, во сколько и пойдешь ли ты вообще сегодня в баню. Потому что если ты в баню идешь – это одно, а если нет – это совсем другое.

Парили в бане до белых пятен и мороза по коже. В три-четыре захода. С короткими перерывами – чтобы отдышаться в предбаннике. Предбанник был границей между мирами. В предбаннике одной ногой стоял еще на этом, а другой – уже на том свете. Зимой – в чьих-то огромных валенках. Босиком – летом. А потом начиналась жизнь после бани.

После бани тело с прилипшими к нему кусочками листьев укутывали в большое полотенце и отправляли домой, и этот путь от бани до дома был последней ступенью к просветлению: дернуть за веревку первую дверь, со скрипом открыть, а потом с силой закрыть вторую, пробежать через первую комнату, а во второй, наконец, опуститься на приготовленную кровать.

Из бани ждали. К возвращению человека из бани готовились. Вернуться после бани домой было победой и праздником. Вокруг улыбались, даже посмеивались и опускали к твоим ногам весь мир. После бани начиналась самая приятная часть – когда лежишь и даже не сомневаешься, жив ли ты, потому что никаких сомнений не было: так хорошо может быть только в раю, и то лишь в первые пять минут.

Пошевелить хоть одной частью тела в глубине бабушки-

ной перины не было никакой возможности, потому что не было больше тела. Отвечали только да или нет, но чаще моргали глазами в знак согласия или просто мычали, что означало, что чай пока не будешь.

Я бывала в неплохих спа-салонах. Глубоко заплывала в морях, океанах. Принимала кислородные, радоновые и прочие ванны. Мне делали массаж в четыре руки – широдхару. Мешочками с травами прогревали суставы и мышцы. Меня мяли, сжимали, растягивали. Я ходила в серьезные горы, осознанные сновидения, танцевала темной ночью в пустыне под барабаны бедуинов, но никогда и нигде не испытывала ничего подобного тому, что происходило со мной каждый раз в субботу, когда в деревне топили баню.

* * *

Принесла из «ВкусВилла» клубнику. Штук двенадцать ягод – крупные, мокрые, некрасивые. Набирала в пакет прямо из ящика на полу, из остатков. Дома вывернула клубнику из пакета в раковину, встала надо всем эти добром, стою. Открыла воду, беру из раковины по одной в ладонь, аккуратно мою в кулаке, не слишком надавливаю. Хвостики не отрываю, вокруг хвостика промываю тщательнее, откусываю здесь же, над раковиной. Вода льется. Я быстро отправляю ягоды в рот одну за другой.

Когда третью или четвертую откусила, может, шестую –

не помню, убрала свободной рукой челку со лба и оставшуюся половину ягоды по всему лицу вдруг размазала. Стою над раковиной, руками на столешницу облокотилась; глаза закрыты, вода шумит, убранный со лба челка падает, прилипает к клубничной мякоти, щекам. Глаза не открываю, от раковины не отхожу.

Мама так каждое лето делала – клубникой мазалась. Только в Сибири клубника называлась «Виктория». Знали еще землянику, она росла в лесу и на кладбище в деревне, а

«Виктория» росла у всех в огороде. Ее десятилитровыми ведрами в июне собирали. Приносили вечером домой, мыли сначала «Викторию», потом ведро, потом готовили ужин. Шумящая в кухне, а потом, наконец, выключенная вода означала, что дело сделано. Сейчас мама зайдет в комнату, сядет со всеми смотреть телевизор – теплая, загорелая, с «Викторией» на лице. Вся семья в этот вечер моложе и красивее становилась от маминой маски, не только мама. Вся пахла «Викторией», чистым летним вечером, светлели лицами.

Клубника в моей жизни появилась только годам к тридцати. Одна подруга все говорила – клубника-клубника. Я до этого думала – клубника только в кино. А она – «клубника-клубника», «хочу клубники», «купила клубнику», «ела клубнику со сметаной». Мне такое слышать было неловко. Клубника со сметаной – очень смешно.

Клубника – со сливками. С шампанским, в шоколаде, в кино. Со сметаной – это «Виктория». И с сахаром – «Виктория». И в десятилитровых ведрах в июне, и потом вечером у мамы на лице. И у меня теперь вот над этой раковиной.

* * *

Спускаю одну ногу, вторую, ступни касаются теплого паркета. Сажусь на краю кровати. Встаю, медленно потягиваюсь. Открываю наконец глаза, вижу потолок – никогда не достать,

высокий. В одной футболке слоняюсь по комнате. Босая иду к окну, открываю настежь – на Покровском всегда громыхает трамвай, а сегодня еще звонят в Хохлах, и всё шелестит. Дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.